

Речь героев и героинь Альбины Мамаевой до боли напомнила мне застольные разговоры в гостях у В.П. Астафьева. Та же раздольная напевность, тот же удивительный «корневой» говорок, отдающий столь глубокой древностью, что дыхание перехватывает: эк «закручено-заворочено», а как точно!

МАРИНА САВВИНЫХ

Обробел

Сергуня не успел бросить у печи дрова, в избу забежал Федька:

— Иваныч, ты дома ли нет?

— Я куды деваюсь? Печь затопляю. Иди в куть, садись на табаретку.

— Есь ковды сидеть! Вовка-то где? Ишшо всё дрыхнет?

Сергей Иваныч переломил об колено пучок лучины:

— Хватился, паря! Он уж ковды-ы-ы убежал!

— Вот дак здорово! Вечор сам звал: мол, нады помогчи ерданей надолбить да уды поставить, а то один до ночи будет пешней махать...

— Вот-вот... А ты не забыл, во сколь ставать-то собирались? Мне дак ково-то помнитца, што не в девять часов...

Федька прикусил язык.

— Дак само крайно в шесь... Я ему вить наказывал: просплю, дак штоб зревел меня.

Сергуня стал выходить из себя:

— Вовка-то вечор язык смузолил тебе говореть, штоб с вечера всё собрал да поране спать лёг. Нет, у тебя всё допоследу! Ковды ума-то накопишь?

Фёдор с досады хлопнул себя по голяшкам:

— Да склался я! Всё собрано, в сенях стоит! Уж в окошко стукнуть или зреть-то чижало было?! Я бы живо соскочил...

— Соскочил он! Как же! Мы тебе наказывали не закрючиватца или не наказывали?

— Да я-то при чём?! Видать, мамка заложила дверь-то. Ково ей не спитца, пачево бытто по ночам на улицу бегат?

— Ну я уж не знаю... Вовка-то сколь времишша стукался! В дверь не дотёркался— пошёл под окошки... Ты, стало быть, глухомятте или уж едак смёртно спишь... Это хто чево?!

— Иваныч, не поверишь, уснул со включённым радивом. Оно ревёт под ухом— ково услышишь?

— Всё-то у тебя не слава Бох! Спишь как конь, вот и нё с ково спрашивать. Вовка-то уж к месту должен подбегать. Иди счас—имай ево...

Сергуня поскрёб затылок:

— Ставай на лыжи да беги к нему. Всё сколь-нить пособишь. Но гляди, пешней огрет, дак не плачь— сам заработал.